

Юрий Гудумак. Синожаты и Каменци

Публикуемый текст представляет собой фрагмент из поэмы "Хорология" (2005), повествующей о двенадцати местностях родного для поэта ландшафта Яблони. Синожаты и Каменци – имя одной из местностей.

Отрешаясь от посредничества несущей плоскости,
краски уподобляются звукам,
когда, курящиеся и плывущие
в знойном мареве августа,
они проговариваются о выгорающей
до оттенка соломенных сандалий траве
и паленой лазури цвета затертых джинсов, о тающем,
как остатки нательной росписи – акварели на меду, –
розоватом крапе опадающих мальв.
В виде равнодействующей
они дают неизменно и неизбежно,
как сказал бы Гораций, «...обрывки пурпура».

Исполненные величия несущей плоскости,
тутошные холмы однажды уже были названы пурпуровыми,
именно в этом, горациевом, смысле порождаемой ими
словесности, а не цвета, – изящной ровно настолько,
чтобы повиснуть в воздухе. На вопрос «Куда идешь?»
доносящийся из пространства
отголосок человеческого присутствия
«Жатэ сино», перекручиваясь эхом,
становится маркирован глагольным окончанием –
«Синожаты».

Не столько субъект высказывания
(ибо это даже не совсем его язык), сколько эхо
ставит вопрос о месте, откуда оно говорит.
Никогда не бывая экстерриториальным
по отношению к своему звучанию-языку,
возможно, именно потому,
что устремлено к какому-то из его пределов –
«пению лесному», «тишине степной»,
эхо является естественным описанием тишины.

Фонетически трансформируя изначальное выражение
в имя собственное некоей местности, оно одновременно
представляет собой процесс ее разыменования
и, вырождаясь в лепет, заканчивается молчанием.

Вот так изогипсы,
в совокупности отображающие рельеф местности,
легко представить в виде изоглосс,
превращающих местность в своего рода
лингвистическую территорию и языковой феномен –
в линии, описывающие область, где этот феномен
высказывается. Или, точнее, –
не высказывается.

Прецедент «невывысказывания»
как раз-то и объясняет,
почему эти линии не столько «видятся»
или «слышатся», сколько домысливаются.

И насколько теперь хватает «взгляда»
(и «слуха») вообще – «предел языка –
это Вещь в своей немоте: видение».

Не обязательно как изъятость из делезовского определения,

видение есть не что иное, как Синожаты.

Синожаты и есть видение.

Не то аберрация зрения, не то
вербальная галлюцинация, видение сводимо
к специфическому набору литер, к некоторой иероглифике,
за которой скрывается звуковая субстанция его имени.

Половина дела назвать это
«расцветенно подвижным воздухом,
порождающим из себя вещи».

Колебания воздуха, вызываемые проговариванием имени,
возводимые эхом в степень, и далее –
в недоступные слуху безграничные коэффициенты,
в сущности, есть тот текст,
из которого дедуцируется образ местности.

(И/или который редуцируется до образа местности.)

Образно же и говоря,
в явлении эха заключена потенциальная реальность того,
что лишено голоса. Эхо дает ему шанс сказать о себе –
себя «вы-сказать» и себя «вы-казать». То есть –
«сказаться».

В этой пошедшей холмиться равнине,
в этих бугрящихся взлобках и косогорах
что-то и вправду имеется от древней силлабики,
чья открытая через посредство эха ритмическая структура
создает вокруг себя пространство и дает вообще
представление о пространственности,
в данном случае – местности, необходимое
для построения физического знания о ней.

Звуковой фактуре свойственно
выветриваться и рассеиваться. Но и не оставаясь
ограниченной звучащим проговариванием,
она распространяется в фольклорной стихии
(и в написанном)
как топоним – часть топонимики.

Сохраняя тон
грамматической неправильности изначального выражения,
эхо все же не повторяет,
а меняет звук. Оно деформирует
lingua rustica ровно настолько, чтобы породить,

словно вызванные поэтической необходимостью,
метр и рифму, делая его странным.
Не случайно географические названия,
превращаясь в «слова-бубенцы», звучат, как мантры,
и, как поэзия, чаще всего не переводятся.
Финеци – почти-румынский эквивалент перевода,
при всем желании выдать его за кальку,
обозначает уже совсем другую местность –
находящуюся за осененным крестами церкви,
крестоносным, горизонтом.
В противоположной от Синожат стороне.

Для самих Синожат же «предельным случаем»,
как, скажем, именно в случае «предела-языка-
как-Вещи-в-своей-немоте: видения»,
являются Каменци.
Насколько о них можно судить понаслышке,
это – место, где оптические превращения
уже не в состоянии переходить в превращения
акустические, – которое, к тому же,
можно классифицировать как некий дорефлективный образ.
Каменци – это выпавшее в осадок эхо: карпатская галька.
Оно же – место, где коса нашла на камень.
Верхний его экстремум отмечен на высоте
215 метров над уровнем моря.

Если не в общем, то в частном, этим
очерчивается понятие топоса речи, где в сумраке дола
субъект высказывания произносит то,
что эхо отваживается выговорить его губами
как свое имя – Синожаты.
Всякий новый раз, нашептанное на ухо
в виде «пения лесного», «тишины степной»,
оно звучит не как передразнивание, ни как тавтология,
но как потакание. Возможно,
из чувства солидарности.

Эта членораздельная,
без каких бы то ни было синтаксических лазеек
и риторических уверток, «артикуляция понятности»
(ибо, кажется, лучше невозможно сказать и сейчас)
напоминает нам (*школьные)

детские годы схоластики* – чтение по складам:
от первого лица – через подобие то ли инфинитива,
то ли императива – к форме неопределенно-личной.
«О чем они, эти губы?»

2005